

Почвенничество и федерализм

(А. П. Щапов и журнал «Время»)

I.

В начале августа 1859 года, по возвращении из сибирской ссылки в Тверь, а затем и в Петербург, Достоевский остановился дней на десять в Казани. Озабоченный главным образом получением от брата Михаила денег, необходимых для продолжения путешествия, в древней татарской столице Федор Михайлович замечает только «дороговизну нестерпимую»¹ и проводит время в городской библиотеке. Вероятно, из сферы его внимания ускользает местная культурная жизнь, где довольно важную роль тогда начинал играть 28-летний профессор Духовной академии, сибиряк по происхождению, Афанасий Прокофьевич Щапов.

В необыкновенно либеральной для тех времен казанской культурной среде все большее внимание привлекали щаповские теории об образовании древней Руси путем постепенного освоения земель свободными крестьянами-колонизаторами. При полной самобытности областных общин, связанных лишь культурным и хозяйственным влиянием монастырей, создалась, по мнению молодого бакалавра, русская земля, как конфедеративный союз, управляемый сетью народных советов, от мирской сходки местных сельских общин (и от думы или веча в городах) до общерусского земского собора, как «совета всей земли». По мере того, как изначальное «общинно-демократическое народосоветие» (термин И. Т. Посошкова) постепенно вытеснялось централизацией бюрократического государства, хранителем древних традиций (в форме религиозного предания) стал, по мнению Щапова, раскол.

Если бы, прогуливаясь около двухэтажного каменного дома, который и сейчас стоит на углу Арской и Академической улиц, Достоевский познакомился тогда со Щаповым, он узнал бы, может быть, что своеобразная смесь плебейского бунтарства, апокалипсического мистицизма и федеративно-демократических лозунгов, характеризующая взгляды Щапова, имела корни, не такие уж далекие от его

¹ Ф. М. Достоевский, Полное собрание сочинений в тридцати томах, Л. 1972-1990 (ниже: ДС), XXVIII/1, с. 362. На самом деле, в предшествующем двухлетии цены товаров первой необходимости почти удвоились в Казанской Губернии, что привело к резкому ухудшению жизненных стандартов разночинной интеллигенции и университетских студентов недворянского происхождения. Вероятно, что это и являлось причиной идеологической радикализации в данной социальной среде. См. Г. Вульфсон, Е. Бушканец, Общественно-политическая борьба в казанском университете в 1859-1861 годах, Казань 1955; Г. Н. Вульфсон, Разночинно-демократическое движение в Поволжье и на Урале в годы первой революционной ситуации, Казань 1974.

собственных. Распространением в Казани социально-религиозных утопий в духе Фурье и Сен-Симона занимались с 1847-го года братья Бекетовы, соседи Достоевского по квартире и его товарищи по социалистическим кружкам в середине сороковых годов².

Несомненна и связь щаповских исторических воззрений с теориями Герцена о русской общине, как ядре новых производственных отношений и будущего политического устройства, основанного на местном самоуправлении: «Дело вовсе не в том, чтоб раз в году собраться, выбрать депутата и снова воротиться к страдательной роли управляемого, – пишет Герцен уже в *Письмах из Франции и Италии*, очевидно под влиянием анархо-федерализма Прудона. – Надобно было основать всю общественную иерархию на выборах, надобно было предоставить общине избрать свое правительство, департаменту свое; надобно было уничтожить всех проконсулов, получающих священный сан от министерского помазания; тогда только народ мог бы действительно воспользоваться правами и, сверх того, дельно избрать своих центральных депутатов»³.

Те же самые лозунги звучат в двух важнейших документах, напечатанных в «Колоколе»: в платформе будущей «Земли и воли», *Что нужно народу*, написанной Огаревым, где тема самоуправления трактуется преимущественно в связи с налоговым правом⁴, и в *Ответе «Великоруссу»* (предположительно – Н. А. Серно-Соловьевича), отстаивающем «право народа на землю [...] и свободный союз областей»⁵. Напечатана в Лондоне и известная прокламация Н. В. Шельгунова *К молодому поколению* (распространялась в Петербурге в сентябре 1861 г.), где читаем: «Мы хотим развития существующего уже частью в нашем народе начала самоуправления [...]. Наша сельская община есть основная ячейка, собрание таких ячеек есть Русь»⁶. Характерно, что и самый радикальный революционный призыв тех лет, *Молодая Россия* П. Г.

² См. Р. Н. Поддубная, Бекетово-Майковский круг в идейных исканиях Достоевского 1840-х годов \\\ Освободительное движение в России. Вып. 8, Саратов 1978; Г. Н. Вульфсон, Братья по духу. Питомцы казанского университета в освободительном движении 1840-1870-х гг., Казань 1989. Важную роль в применении социально-утопических теорий к истории русских религиозных движений сыграл Г. З. Елисеев: с 1845 по 1854 будущий сотрудник «Современника» преподавал историю церкви в Казани и «все чаще стал поговаривать о важности в русской истории народного элемента» (цит. по: П. Знаменский, История Казанской Духовной Академии, т. 3, Казань 1892, с. 278). Сам Щапов, который учился у него в 1852-1854 и занимал впоследствии его место в Духовной Академии, признавал его решающее влияние на студентов (см. письмо Щапова к Елисееву от 24.12.1872 \\\ А. П. Щапов в Иркутске, Иркутск 1938. с. 77).

³ А. И. Герцен, Собрание сочинений в тридцати томах, т. V, М. 1955, с. 162. Текст этот впервые включен в издание писем 1854-го года, но был составлен уже в конце 1948-го.

⁴ См. теперь в: Революционный радикализм в России: век двенадцатый, под ред. Е. Л. Рудницкой, М. 1997, с. 114.

⁵ Там же, с. 119.

⁶ Там же, с. 103.

Заичневского, требует «изменения современного деспотического правления в республиканско-федеративный союз областей»⁷.

Не только Щапов, но и другой историк, чрезвычайно ценимый в левых кругах, Н. И. Костомаров, придерживался теории об исконно-русском федеративно-вечевом строе: «Моя идея о том, что в удельном строе Руси лежало федеративное начало, – признался украинский историк, – хотя и не выработалось в прочные и законченные формы, заставила подозревать – не думаю ли я применять этой идеи к современности и не основываю ли на ней каких-нибудь предположений для будущего»⁸. Популярность таких идей была столь велика, что историк П. В. Павлов, в своей знаменитой речи *Тысячелетие России* на литературно-музыкальном вечере 2-го марта 1862 (в котором принял участие и Достоевский чтением *Записок из Мертвого дома*), счел нужным специально от них дистанцироваться: «В продолжение целого тысячелетия Россия была рабовладельческой страной. Несправедливо видеть в союзной, удельно-вечевой Руси общество вполне свободное»⁹.

II.

Тема федерального самоуправления проникает достаточно рано и в группу культурных деятелей, сгруппированных вокруг журнала «Время» и известных под названием «почвенников».

С первого взгляда, почвенничество представляет собой разнородное и эклектичное явление, союз личностей, соединенных только одним участием в издательских предприятиях братьев Достоевских, но идеологически глубоко чуждых друг другу: несмотря на посредническое влияние Достоевского, в период расцвета движения (1861 - начало 1863 года), публицисты позитивистского склада вроде А. Разина имеют мало общего с неославянофилами типа Ап. Григорьева и Н. Н. Страхова¹⁰. Тем не менее, у почвенников оказывается, по крайней мере, одна общая идеологическая черта: неприятие сословно-бюрократического централизма, как несвойственной для России

⁷ Там же, с. 146.

⁸ Автобиография Н. И. Костомарова, М. 1922, сс. 272-273.

⁹ Материалы для истории революционного движения в России в 60-х гг. Под ред. В. Богучарского, Спб. б. д., с. 52. Скептицизм по поводу превратившихся в общее место щаповских теорий выразил и И. С. Тургенев в ходе известной полемики с Герценом: «В течение лета я потрудился над Щаповым (истинно потрудился!) – и ничего не изменит теперь моего убеждения. *Земство* – либо значит то же самое, что значит любое относительное западное слово – либо ничего не значит – и в *щаповском* смысле непонятно ровно ста мужикам из ста» (письмо от 26.09 (08.10).1862, в: И. С. Тургенев, Письма, т. V, М. 1988, сс. 113-114).

¹⁰ Расхождения болезненно ощущались и некоторыми почвенниками: ср. письма Ап. Григорьева из Оренбурга с июня 1861 по март 1862, в: Его же, Письма, М. 1999, сс. 250-276.

политической системы, и напор на необходимость культурного, а в перспективе и политического самоутверждения освобожденных от сословных перегородок народных масс.

Призыв к свободной самодеятельности общественного организма ведется у почвенников по различным линиям: ссылки на политическую экономию и на социологию позитивистского толка с одной стороны, а с другой - идеализация изначального стремления к вольности, к свободному самоуправлению, якобы органически присущего русскому народу. Несмотря на неоднородность идеологических предпосылок, политическая перспектива, указанная всеми почвенниками, одинакова: местное самоуправление, децентрализация, основанная на межсословных учреждениях. Таким образом, внимание и сочувствие со стороны почвенников к щаповским теориям о земско-областном характере русского исторического развития – вполне естественное явление, тем более, что сам Щапов оперирует научными инструментами крайне эклектичного характера: от географического детерминизма до романтической идеи «народного духа, творящего историю»¹¹.

Неслучайно и то, что первым почвенником, обратившим внимание на Щапова, является единственный представитель движения, обладающий основательным историографическим образованием, - ученик Погодина и в юности друг С. Соловьева Ап. Григорьев. Уже к середине 50-х годов будущий сподвижник Достоевского внимательно следит за спорами между представителями разных моделей развития русской истории, признавая в них ключевой момент для будущего возрождения национального самосознания. С самого начала основным противником выступают «родовики», т. е. историки «государственной школы» и их апология бюрократического централизма, как созидательного момента по отношению к пассивной народной массе, погруженной в косность «родового быта».

Сам Григорьев, в письмах к В. П. Боткину от апреля 1856 года, объявляет себя «общинником»¹², т. е. приверженцем спонтанного и «органического» народного творчества, как в культурной, так и в общественной сфере. Но для выработки развернутого «общинного» (или «пра-почвеннического») истолкования русской истории необходимы научные авторитеты. М. П. Погодин и И. Д. Беляев, которых чрезвычайно ценил Григорьев, выглядели методологически устаревшими на фоне

¹¹ А. П. Щапов, Великорусские области в смутное время \ \ «Отечественные записки», 1861, № 10. Теперь в: Его же, Сочинения, т. 1, СПб. 1906, с. 648.

¹² А. Григорьев, Письма, цит., сс. 107-112.

новейшей русской истории, почти полностью находившейся под влиянием «родовиков», а сами славянофилы приемлемы лишь частично, из-за того, что они опирались исключительно на крестьянскую патриархальность, из-за неприятия ими секуляризованной культуры в целом, и превозношения ими допетровской Московии: уже в письме к Погодину от января 1856 Григорьев отвергает новорожденный славянофильский орган «Русская Беседа», как «журнал Троицкой лавры и проч.» и противопоставляет ему свое собственное направление – «народность демократическая и прогрессивная»¹³.

Не феодальное государство XVII века, но областной федерализм эпохи уделов Григорьев выделяет как исконно-русскую политическую традицию, временно прерванную татаро-московско-петербургским деспотизмом. В статье 1859 года, целиком посвященной опровержению методологических и идеологических предпосылок *Русской истории* С. Соловьева, Григорьев устанавливает период, являющийся как бы парадигмой «органической» модели развития, к которой русская государственность циклически возвращается: «Была минута, когда все это до сих пор еще старой задерживающейся жизнью живущее стихийное – развивалось само из себя – мучительными, но блестящими борьбами вырабатывало из себя и для себя свой центр. Эта минута есть XII век и начало XIII»¹⁴. Через пару лет критик подтверждает эту позицию, упрекая Карамзина в том, что он «не понял федеративной идеи, блестящую минуту развития которой представляет наш XII век и которую, без ‘попущения’ божия, в виде татар, ждало великое будущее, не понял городской жизни и значение князей, как нарядников»¹⁵.

Итак федерализм, местное самоуправление с перевесом городского элемента – вместе давнее прошедшее и близкое будущее страны. Главным носителем традиционных ценностей и подлинно самобытных представительных учреждений является «чисто великорусская, промышленная сторона России»¹⁶ - купцы, ремесленники: «В классе среднем, промышленном, купеческом по преимуществу, видим старую, извечную Русь, с ее дурным и хорошим»¹⁷, утверждал Григорьев еще в 1856 году. На необходимости

¹³ А. Григорьев, Письма, цит., с. 97. Отмежевание от традиционного славянофильства, как направление «теоретическое», «узкое», «барское» и неспособное ответить вопросам современности станет общим местом в 60-е годы как для Григорьева, так и для Достоевского: см. А. А. Григорьев, Явления современной литературы, пропущенные нашей критикой. Граф Л. Толстой и его сочинения. Статья первая \ «Время», 1862, № 1; ДС, XIX, сс. 57-66. Неоднозначно и отношение Щапова к славянофильству: см. Н. Аристов, Жизнь Афанасия Прокофьевича Щапова \ «Исторический вестник», 1882, № 11, сс. 296-297.

¹⁴ А. Григорьев, Взгляд на Историю России, соч. С. Соловьева \ «Русское слово», 1859, № 1, с. 14.

¹⁵ Его же, Народность и литература \ «Время», 1861, № 2. Теперь в: Его же, Эстетика и критика, М. 1980, с. 196.

¹⁶ Письмо к М. П. Погодину от апреля 1857, в: Письма, цит., с. 127.

¹⁷ Письмо к А. И. Кошелеву от 25\III\1856, в: Письма, цит., с. 106.

духовного и материального раскрепощения творческих сил народа публицист настаивает с особенной силой после упразднения крепостного права:

Что татары оторвали нас от XII века и от нашего федеративного будущего, что северо-восточные князья-приобретатели, пользуясь татарским игом, централизовали и вместе кристаллизировали жизнь, это было, конечно, исторически необходимо, то есть, проще говоря, это произошло. Но ведь произошло также и то, что в эпоху междоусобицы вдруг раскрылись все язвы общественные, на время заглушенные хитрыми мерами Калиты и Ивана III и грозной централизацией Ивана IV, вдруг отозвались все подавленные стороны жизни и выступили под знаменами безчисленных самозванств. Равномерно и в духовном процессе нашем совершаются такие факты, которые показывают, что связь наша с историей и бытом вовсе не так разорвана, как это казалось лет за пятнадцать назад, что кругом нас в тишине совершается жизнь, вовсе не так далекая от жизни даже XII столетия, как это кажется с первого раза¹⁸.

Среди «глубочайших» проявлений русского народного духа, по мнению Григорьева, числится и раскол: «Православие еще *ist im Werden*», – пишет он В. П. Боткину в апреле 1856 года. «Его *старообрядчество* и *раскол* имеют без малейшего сомнения основания гораздо глубочайшие, чем те, которые высказываются и преследуются официально»¹⁹. Итак, вполне понятен интерес, с которым критик принимает первое сочинение Щапова, *Русский раскол старообрядчества*. Здесь же – в идеологически еще не вполне выработанном контексте – впервые зазвучали впоследствии ставшие характерными для щаповской публицистики определения раскола, такие как «*церковно-гражданский демократизм*, под покровом мистико-апокалипсического символизма [...], многозначительное выражение народного взгляда на общественный и государственный порядок России»²⁰. Прилагательные «демократический», «гражданский» и «национальный» по отношению к сектам чередуются как синонимы на страницах щаповской брошюры. В одном из немногих сочувственных отзывов о книге, Григорьев подчеркивает в первую очередь идеологическую продуктивность подобных определений: своим анализом возникновения раскола, как явления «столько же, если не более, политического, как и церковного», сибирский критик «взял живую струю дела, струю, которую смутно чувствовали многие»²¹.

¹⁸ Его же, Западничество в русской литературе, причины происхождения его и силы. 1836-1851 \\\ «Время», 1861, № 3. Теперь в: Его же, Эстетика и критика, цит., с. 225.

¹⁹ Его же, Письма, цит., с. 110.

²⁰ А. П. Щапов, Сочинения, т. 1, цит., с. 174.

²¹ «Русское слово», 1859, № 8, с. 58. Заметим, что идеологический ментор Григорьева, М. Погодин, будучи проездом в Казани в начале мая 1860, лично познакомился со Щаповым, о книге которого по истории раскола уже знал: см. Г. Н. Вульфсон, Глашатай свободы. Страницы из жизни Афанасия Прокофьевича Щапова, Казань 1984, с. 27. Погодин и дальше интересовался деятельностью Щапова, и в начале 1861 (т. е. более чем за два месяца до скандальной панихиды) получил сведения от одного знакомого о том, «что [Щапов] не за родовой быт и не за Соловьева; он зарабатывает тоже элемент общинный [...] под найтём [...] взглядов Искандеровских» (А. П. Барсуков, Жизнь и труды Михаила

III.

Следует двухлетний перерыв: вероятно, мало до кого за пределами Казани доходили точные сведения о первых публичных выступлениях Щапова периода 1860-1861 годов, вплоть до нашумевшей панихиды по убитым в Бездне (апрель 1861)²². Наконец, в октябре-ноябре 1861 года, в момент сильного политического накала, появляется в «Отечественных записках» длинное эссе *Великорусские области в смутное время*, где впервые щаповское понимание русской истории находит адекватную формулировку: «Русская история, в самой основе своей, есть по преимуществу история областей, разнообразных ассоциаций провинциальных масс народа – до централизации и после централизации»²³. Речь идет уже не об одном расколе, как изолированном и пережиточном, хотя и значимом, явлении. Развертывание русской истории определяется как совокупность местных (областных) вариантов, где по мере общего раскрепощения русского общества, по мнению Щапова, исконный местный плюрализм получит широкое развитие: «В настоящее время, один из самых отрадных результатов великого вопроса освобождения крепостного народа представляет начинающееся сознание необходимости пробудить провинциальную жизнь к местной самодеятельности, к местному саморазвитию»²⁴.

Среди современников вряд ли найдется более восторженный отклик, чем у Григорьева, из далекого Оренбурга превозносящего перед другими почвенниками «великолепное начало» статьи, как «фактическое оправдание всего того, что думает о России и о ее истории Островский, что думал и гадательно высказывал я по своей чуткости». В образе России, как сети самоуправляющихся местных общин, заключаются, по мнению Григорьева, окончательные черты оригинального идеологического профиля почвенничества: «Что же вы (то есть «Время») не залучите такого человека, как Щапов, который носит в себе целое, совсем *новое* и вполне народное направление? Как это журналу, толкующему непрерывно хотя и крайне неопределенно, о народности, не сойтись с ним?»²⁵

Погодина, т. XVIII, СПб. 1904, с. 537).

²² О деятельности Щапова в этом двухлетии см. Г. Н. Вульфсон, Глашатай свободы, цит., гл. V.

²³ А. П. Щапов, *Великорусские области в смутное время*, цит., с. 648. Идеологическим ядром статьи была в свое время много нашумевшая вступительная лекция в Казанском университете (11.11.1860), где Щапов прямо объявил, что «не с идеей централизации, а с идеей народности и областности вступаю я на кафедру русской истории», и заключал, что «идея единодержавности не заключается в понятии народности» (А. П. Щапов, *Неизданные сочинения. Общий взгляд на историю великорусского народа. Предисловие Е. И. Чернышева* \ «Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском ун-те», 1926, т. 33, вып. 2/3, сс. 12, 17).

²⁴ А. П. Щапов, *Великорусские области в смутное время*, цит., с. 653.

²⁵ Письмо Григорьева к Н. Н. Страху от 21.12.1861, в Его же, *Письма*, цит., с. 269. Об одобрительном отзыве Герцена и Огарева на щаповскую статью см. В. А. Китаев, «Отечественные записки» в идейной

Неудивительно, что интерес к шаповским теориям скоро заражает самого Достоевского, который, только что вернувшись в августе из своего первого путешествия по Европе, получает заказанный уже до отъезда *Русский раскол старообрядчества* вместе с другими книгами о расколе²⁶. Шаповская интерпретация раскола успела проникнуть в публицистику Достоевского уже в феврале, начиная с программной статьи *Два лагеря теоретиков*, в полемике с неославянофильством Ивана Аксакова, по мнению писателя слишком односторонне превозносящим Московию времен непосредственно допетровских: «Если московская жизнь хороша была, то скажите пожалуйста, что же заставило русский народ отвернуться от московского порядка вещей и повернуть в другую сторону? Одним словом, что произвело наш русский раскол». Дальше Достоевский подчеркивает коренной характер раскола, как инстинктивного проявления народного духа, не попадающего ни под какую современную политическую доктрину: «Что указывает нам русский раскол? Замечательно, что ни славянофилы ни западники не могут как должно оценить такого крупного явления в нашей исторической жизни [...]. Они не поняли в этом странном отрицании страстного стремления к истине, глубокого недовольства действительностью»²⁷.

На страницах «Времени» переоценка раскола в демократическом духе была начата уже в самом начале 1862 кандидатом Казанской духовной академии Н. Я. Аристовым, близким другом и последователем Шапова:

В древней Руси в каждой области существовало самоуправление, развивалась свободно-самостоятельная жизнь, обусловливаемая местностью, племенным характером, особым родом занятий и деятельности и т. п. С усилением централизации эта самобытная жизнь должна была сглаживаться, подчиняться общему течению и уровню. Не охотно расставались областные жители с своею самостоятельностью и свободою, с своими правами и стремлениями, и стояли в оппозиции долгое время к новому для них началу централизации. В смутное время самозванцев рушилось насильственное соединение областей; каждая область стремилась усилиться и возвратиться к прежней самобытной жизни и приобрести свои старые права. Но вот, с Михаила Федоровича и особенно с Алексея Михайловича, централизация усилилась, и в это время, по собственному утверждению народа, ему казалось, что излились на Русь Православную все апокалипсические фиалы горести²⁸.

борьбе начала 60-х годов XIX в. \ \ Революционная ситуация в России в 1859-1861 гг., М. 1978, с. 175.

²⁶ Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского, т. 1, СПб. 1993, с. 377.

²⁷ ДС, XX, сс. 20-21. Еще раз, в начале 1863, Достоевский называет «положительно хорошими» (там же, с. 67) статьи, которыми Шапов открывает новый журнал «Очерки» с призывом добиваться «всеобщего народного освобождения» путем реализации регионального самоуправления («Очерки», 1863, № 1).

²⁸ Н. А. Аристов, По поводу новых изданий о расколе \ \ «Время», 1862, № 1, с. 76. Есть предположение, что «при журнале «Время» образовалась небольшая группировка казанского землячества (Аристов, Баканин, Сунгуров, Шапов), связанная через Сунгурова с революционным студенчеством» (Г. Ф. Коган, Журнал «Время» и революционное студенчество 1860-х годов \ \ Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования, «Литературное наследство», т. LXXXVI, М. 1973, с. 583). Некоторые члены этой группы, по мнению того же исследователя, впоследствии служили

Радикализм выступления Аристово усугубляется довольно пространным разбором, между прочим, первого издания *Жития* Аввакума (1861), где опальный протопоп превозносится как один из «народных героев в борьбе против угнетения и неправды», которые, «руководствуясь порывами ума и совести на пути к самостоятельности и свободе развития [...], организовали свое демократическое общество, составили тесное братство на народных началах, стали в оппозицию правительству»²⁹.

В апрельском «Времени» (отдел «Наши домашние дела», формально под ответственностью А. У. Порецкого, близкого знакомого и поверенного Достоевского, но вероятно с непосредственным участием последнего) пространно и вполне сочувственно цитируется статья Щапова *Русские самородки*, где историк затрагивает вопрос о предстоящем возникновении в России новой интеллигенции, и, в перспективе, нового правящего класса, из низов народа, как выразителя подлинно национального духа после падения крепостного права и сословных перегородок:

«Щедро наделена земля наша от природы естественными источниками и материями народного богатства и благосостояния», говорит г. Щапов [...]. «Обильна умственная почва русского народа разнообразными богатствами, силами, талантами ума и дела, мысли и практики». Далее говорит он еще, что «в настоящее время пробуждающегося народного самосознания нам особенно нужны самородные умы»; что «эти самородные таланты могли бы вливать, вносить в жизнь новые богатые элементы свежей, самобытной мысли, народного опыта» и пр. «Гибнут бедняги самородки наши в глуши, в захоlustьях!» восклицает потом автор, пересчитывая малое число выбившихся на свет наших самородков, начиная с Посошкова и Ломоносова и оканчивая Кольцовым и Березниковым. «Такова уж их вековая горькая доля!..» Чтоб чаще и полнее, и мощнее, и шире проявляться самородным силам народа, сначала нужно было выбиться из неволи, добиться свободных прав»³⁰.

Русские самородки – важное программное заявление журнала «Век»³¹. Вокруг эфемерного журнала (изданного на «артельном» праве под руководством бывшего ментора Щапова и ведущего сотрудника «Современника» Г. З. Елисеева) соединилась плеяда культурных и общественных деятелей разнообразного направления, от известных тверских либералов А. И. Европеуса, А. М. Унковского и А. Ф. Головачева до зачинателей совершенно криминальных политических мероприятий Н. А. Серно-Соловьевича и Н. В. Шелгунова. Участвовали в «артели» и писатели Н. Г. Помяловский, Н. С. Лесков, Н. В. Успенский, братья Н. А. и Н. Н. Потехины, будущий

прообразами Раскольникова и его окружения в первых набросках Преступления и наказания. О Щапове Аристов написал ценнейший биографический очерк: Жизнь Афанасия Прокофьевича Щапова // «Исторический вестник», 1882, №№ 10, 11 и 12.

²⁹ Н. А. Аристов, По поводу новых изданий о расколе, цит., с. 82.

³⁰ Смесь. Наши домашние дела. Современные заметки // «Время», 1862, № 4, с. 41.

³¹ №. 9-10. Статья больше не перепечатывалась.

автор *Писем из деревни* А. Н. Энгельгардт³². Уже в августе 1861 г. Шапов писал о будущем журнале (предположительно именуемом «Мирской толк»): «Основная потаенная идея журнала общинно-демократическая, федеральная или союзная конституция русская. Основные начала его: мир, земство, уравнивание прав и средств развития низших классов народа с высшими, сельские и мирские сходы и межгородные думы, всесословные земские общефедеральные советы и пр. и пр.»³³.

Такая программа осуществлялась во «Веке» не только Шаповым, но и идеологически ему близкими Щелгуновым и Елисеевым. Тема образования новой «послепетровской» социокультурной среды из людей, органически связанных с народом – очень близка почвенникам, и Достоевскому в частности³⁴. Преводив пространные цитаты из *Русских Самородок*, публицист «Времени» не медлит развивать свои собственные соображения о своевременности завершения фазы чисто отрицательной критики старого строя: «когда мы, принимаясь за самоосуждение, раскрыли подлежащие источники, то нашли в них такую обильную пищу, которая удовлетворила нас до пересыщения. Объевшись этим кушаньем, не видя близкого иссякновения источников, из которых льется это бражно, и чувствуя, что уже претит, мы конечно должны были ощутить потребность освежить вкус, а говоря проще – отыскать надежду на выход из удушающей среды»³⁵.

С исчезновением старого социального связующего – крепостного права, традиционные параметры сословно-бюрократического общества теряют значение, идеологические ориентиры и социальное самовосприятие представителей старого образованного сословия делаются зыбкими. Только мощный взлет социокультурных сил, освобожденных от искусственного подчинения и разъединения, обеспечит подлинное обновление страны: «Подняли голову, оглянулись кругом – все как-то полиняло, все потертые шелковые одежды с почерневшими галунами и разползающимися прорехами; происходит ломка и перестройка, пыль столбом, за ней не различишь хорошенько лиц и физиономий; надежда обрывается; плывучий грунт не держит ее якоря. Обратились вниз – якорь упал на плотный грунт, забрал и – слышались симпатические речи о народе. Стало быть, тут дело простое и понятное; понятна кажется и мысль о самородках»³⁶.

Трудно определить, кому принадлежат эти строки, но очевидна нить, которая

³² Подробнее см. Б. П. Козьмин, Артельный журнал «Век» \\\ Его же, Из истории революционной мысли в России, М. 1961.

³³ Цит. по: Я. И. Линков, Очерки истории крестьянского движения в России в 1825-1861 гг., М. 1952, с. 246.

³⁴ Впрочем, не только Достоевский интересовался «вековцами», но и наоборот: один из казанских сподвижников Шапова, юрист П. Муллов, предлагая общую реформу уголовной системы, ссылается на Мертвый дом. См. П. Муллов, Вопрос о местах заключения арестантов в России (по поводу «Записок из мертвого дома» Ф. Достоевского) \\\ «Век» 1862, № 9-10.

³⁵ Смесь, цит., с. 41.

³⁶ Там же, сс. 41-42.

связывает размышления о щаповских «самородках» с рядом высказываний Достоевского о вымирании старого «петровского» строя и о грядущих «новых людях»: «Верхний слой русских людей уж никуда не годится, отжил свое время, иссяк исконною жизнью и только способен умереть», проповедует князь Мышкин в салоне Епанчиных незадолго до заключительной катастрофы. «Но все еще в мелкой, завистливой борьбе с людьми... будущими»³⁷. Князю вторит Щатов, обращаясь к Ставрогину: «Идет новое поколение, прямо из сердца народного, и не узнаете его вовсе ни вы, ни Верховенские, сын и отец, ни я, потому что я тоже барич, я, сын вашего крепостного лакея Пашки»³⁸.

Подобные прогнозы высказывает Достоевский от своего имени, в теоретических и публицистических выступлениях: уже в марте 1868 года он замечает «столкновение страшное новых людей и новых требований с старым порядком»³⁹, и в «программном» эпилоге к *Подростку* (1875) приводится пример *Войны и мира* Л. Толстого, как «мираж» идеального дворянства, которое уже можно изображать лишь в рамках исторического романа: «Еще далее [...], и явятся новые лица, еще неизвестные, и новый мираж»⁴⁰. Аналогичный подтекст имеют повествовательные вкрапления в *Дневнике Писателя* и другие мелкие произведения середины семидесятых годов (*Бобок*, 1873; *Маленькие картинки (в дороге)*, 1874). В более поздних высказываниях, под влиянием настроений, вызванных Балканской войной, Достоевский изображает «новых», «лучших людей» с аскетическими чертами богатыря-крестьянина архаичного эпоса: «‘лучший человек’ по представлению народному – это тот, который не преклонился перед материальным соблазном, тот, который ищет неустанно работы на дело божие, любит правду и, когда надо, встает служить ей, бросая дом и семью и жертвуя жизнью»⁴¹.

IV.

В октябре 1862 сам Щапов выбирает журнал братьев Достоевских для одного из своих крупнейших манифестов – статьи (длиной более 90 страниц) *Русский раскол. Бегуны*. Здесь история двух последних веков последовательно описывается под знаком борьбы «форм империи» против «внутреннего, исторического, созданного свободным

³⁷ ДС, VIII, сс. 456-457.

³⁸ ДС, X, сс. 202-203.

³⁹ ДС, XXVIII/2, с. 281.

⁴⁰ ДС, XIII, с. 454.

⁴¹ ДС, XXIII, с. 161. Еще откровеннее выражается писатель в набросках к данной статье: «Где теперь и что такое теперь лучшие люди. Без лучших людей земля не стоит. Чины – пали. Дворянство пало. Все форменные установки лучшего человека – пали. Остались народные идеалы (юродивый, простенький, но прямой, простой. Богатырь Илья Муромец, тоже из обиженных, но честный, правдивый, истинный)» (ДС, XXIV, с. 269).

бытом народным состава и строя русского земства»⁴². Религиозные секты, по мнению Щапова, это «общинно-демократическая народная оппозиция» русского земства, все более раздавленного за XVII-XVIII века государственным централизмом и насильственной вестернизацией: «В земстве происходил *раскол*, и кастально-сословный, и политико-географический или земско-областной, и даже этнографический». Стало быть, разлагающим началом является не религиозный раскол середины XVII века, но навязываемое государством возникновение сословий: неслучайно, по мнению Щапова, что поворотный пункт – это первая ревизия душ 1718-1725 годов. Религиозное брожение, наоборот, представляет собою попытку сохранения однородной традиционной культуры и гармонического общественного строя: «Вследствие этого раскола, разобщения, разрознения в земстве, и раскол старообрядчества, раскол церковно- и земско-демократический развивался еще сильнее, и восстал против разделения человека на чины или на сословия, против ревизии душ, против самой перепутаницы земли русской»⁴³.

В екатерининское время народная реакция сословно-бюрократическому государству имеет двоякий исход: с одной стороны *пугачевщина*, «рьяный, сбойчатый, мятежный порыв несносно-сдержанных могучих сил народа к выходу из-под векового гнета»; с другой – «все так называемые мистические, *пророчествующие* секты»⁴⁴. Но если народные движения, неспособные к организованному и рационально осмысленному политическому действию, колеблются между разрушительным бунтом и мистическим уходом от мира, идеал общественно устройства, который Щапов приписывает им, пусть в полуосознанном и наивно выраженном виде, не включает в себе ничего особенно утопического или радикального, и сводится к определенному кругу политико-экономических приоритетов весьма буржуазного характера⁴⁵: упразднение гильдий и свобода торговли, упразднение чинов и сословий и уравнивание гражданских прав (в первую очередь, права землевладения), широкое самоуправление, в том числе судебное и налоговое, и участие общин «в издании указов и грамот»⁴⁶, т. е., ограничение самодержавия не только на местном, но и на общегосударственном уровне.

⁴² А. П. Щапов, *Земство и раскол. Бегуны* \ \ «Время», 1862, № 10. Теперь в: Его же, *Сочинения*, т. I, цит., с. 505.

⁴³ Там же, с. 531.

⁴⁴ Там же, с. 544.

⁴⁵ Нслучайно Щапов апеллирует не только к «народному воззрению», но и к теоретикам, к Тюрго и основателю «русской политической экономии» Н. С. Мордвинову.

⁴⁶ Там же, с. 572. Заметим, что платформа эта буквально списана с программной статьи Н. Огарева *Письма к соотечественнику* («Колокол», 01.08.1860, см. особенно с. 643). Меняется только метафорика: утопично-социалистическая у Огарева, утопично-религиозная у Щапова.

V.

Щаповская статья появилась в чрезвычайно сложном и бурном политическом контексте, который и определил ее ключевую идеологическую роль. Самое крупное явление тех лет, подготовка земской реформы, вызывала все более оживленную борьбу между общественными течениями по мере того, как реформаторский подъем постепенно спадал и правительство, в связи с майскими пожарами и с усугублением польского кризиса, переходил на оборонительное положение⁴⁷. В апреле 1862, вместо Н. А. Милютина, просвещенного сановника и сторонника широкого межсословного самоуправления, был назначен председателем Комиссии по разработке земской реформы министр внутренних дел П. А. Валуев, политическим идеалом которого была сословная, квазиконституционная монархия при фактическом перевесе аристократии и, на уровне местной администрации, поместного дворянства. «Я боюсь, – признавался И. С. Аксаков еще в конце предыдущего года, – чтобы министр внутренних дел, вместе с дворянами, не сочинил нам un beau matin аристократию»⁴⁸.

В частности, на выборах земских учреждений Валуев пытался дать преимущество дворянам-землевладельцам по отношению к недворянам. Несмотря на то, что ближайшим образцом министра была скорее всего австрийская политическая система, активная «продворянская» агитация в прессе велась под флагом английского self-government'a. Подобная установка, особенно характерная для публицистики М. Н. Каткова и «Русского вестника» в целом, была воспринята глубоко враждебно почвенниками, усматривающими в ней новое проявление сословно-бюрократического

⁴⁷ О земской реформе см. В. В. Гармиза, Подготовка земской реформы 1864 г., М. 1957; Л. Е. Лаптева, Земские учреждения в России, М. 1993; Н. А. Емельянов, Местное самоуправление в дореволюционной России, М. 1996.

⁴⁸ Письмо к А. Д. Блудовой от 21.12.1861 в: И. С. Аксаков, Письма к разным лицам, СПб. 1896, с. 222. Полная библиография о Валуеве в: Д. Н. Шилов, Государственные деятели Российской Империи. 1801-1917, СПб. 2002, сс. 122-123. Парадоксальным образом сам Валуев за два года до закрытия «Времени» «спас» Щапова от последствий его речи на панихиде и устроил его чиновником своего министерства по делам раскольничьим. По свидетельству великого князя Константина Николаевича, дело обсуждалось даже в Совете министров: см. Переписка Императора Александра II с Великим Князем Константином Николаевичем. Дневник Великого Князя Константина Николаевича. 1857-1861, М. 1994, с. 320 (Записка от 11.05.1861). Вероятнее всего, участие министра к опальному бакалавру объясняется заступничеством со стороны попечителя Казанского учебного округа кн. П. П. Вяземского, сына Петра Андреевича и шурина самого Валуева. Впрочем, Щапов скоро начал заводить такие знакомства и распространять такие идеи, которые не могли найти в Валуеве ни малейшего сочувствия: получив уже в январе 1862 от министра народного просвещения А. В. Головнина некую статью Щапова, Валуев ее отвергает, как «пахнущую за версту пугачевщиной» (П. А. Валуев, Дневник, М. 1961, т. I, с. 138. Вероятно, речь идет о так и неопубликованной статье Областные земские собрания и советы, теперь в: Сборник статей, недозволенных цензурой в 1862 г., т. 1, СПб 1862, сс. 3-48). По свидетельству Аристова, его выступления производили «самое неприятное впечатление в министерстве внутренних дел. Тогда совсем прекратили выдачу жалованья Щапову [...], а потом пришло известие, что он отчислен из министерства» (Н. А. Аристов, Жизнь Афанасия Прокофьевича Щапова \ «Исторический вестник», 1882, № 11, с. 335).

управленчества. Полемика против Каткова, «теймствующего в Москве», постоянно ведется Достоевским-публицистом с антисословной позиции: «Может быть, «Русскому вестнику» это очень досадно, но английских лордов у нас нет», заявляет писатель уже в середине 1861. «Взаимной вражды сословий у нас тоже развиться не может: сословия у нас, напротив, сливаются»⁴⁹.

В самом деле, позиция Каткова излагается почвенниками полемически и в несколько упрощенном виде. «Англомания» московского публициста не состоит в призыве дублировать в России английские учреждения, но в сложной и детально разработанной программе законодательных преобразований (например, установление высокого ценза на земские выборы), по которой дворянство, теряя чисто сословные преимущества, сохранит политическое и экономическое лидерство, как класса богатых землевладельцев: «Поземельная собственность известных размеров или известного ценза, вот основание для местного самоуправления»⁵⁰, – пишет Катков в завершительной фазе разработки земской реформы. И еще, с предельной ясностью: «Задача законодателя, нам кажется, состоит в том, чтобы с одной стороны освободить земские учреждения от сословного характера и тем оградить их навсегда от опасности сделаться мишенью в сословной борьбе, а с другой стороны поставить их так, чтобы если не по закону, то по силе вещей они остались в руках людей политически наиболее способных, то есть, преимущественно в руках лучших людей из класса теперешних дворян – помещиков»⁵¹.

Для полемики против подобных взглядов как нельзя лучше пригодились щаповские теории, и именно на вышеуказанные номера «Современной летописи» нападает Разин, глава внутреннего отдела «Времени» с ноября 1862 года, в выступлении под заголовком *Недовольный Мистер Катков* и с прямой ссылкой на Щапова: «Напрасно г. Щапов в своих статьях неоспоримо исторически доказывает, что всякое насильствие народных склонностей отзывается болезненно и вызывает распадение, антагонизм, отчуждение. Но раз забравши в голову, что Россия должна быть перестроена на английский лад, с лордами и судейскими париками, «Русский вестник» знать ничего не хочет и жить без лордства не согласен»⁵². О том же, хотя и в несколько иносказательном виде, пишет Григорьев в том же номере, ссылкой на то, «что раскрывает перед вашими глазами деятельность г. Щапова», опровергая идеализацию феодальной знати, как поборницы свободы, в романе *Князь Серебряный* А. Толстого

⁴⁹ ДС, XIX, с. 19.

⁵⁰ «Современная летопись», 1862, № 45 (7 ноября), с. 12.

⁵¹ «Современная летопись», 1862, № 46 (14 ноября), с. 10.

⁵² Е. А. Разин, Наши домашние дела \ \ «Время», 1862, № 12, с. 25.

(не случайно опубликованном в «Русском вестнике», как манифест дворянского либерализма)⁵³.

Месяца через четыре, в последнем номере «Времени», Разин уточняет, какова почвенническая альтернатива «английскому проекту» Каткова и Валуева: «Олигархические учреждения с пренебрежением народа не только по обычаю, но по закону, никогда не могли бы привиться к России [...], ни один народ на свете не относится к свободе учреждений так просто и естественно, как наш народ [...]. Поэтому-то с величайшим доверием к будущности русского народа мы ожидаем расширения общественных прав и распространения круга деятельности, предоставленной разным местным в Империи учреждениям»⁵⁴.

VI.

Борьба разных политических направлений и объясняет внезапное закрытие «Времени» после апрельского номера, формально из-за якобы «полонофильского» выступления Страхова *Роковой вопрос*⁵⁵. Именно в марте 1863 года Валуев начал широкие лоббистские маневры, чтобы склонить Александра II к преобразованию Государственного Совета на началах австрийского Reichsrat'a (с выборными представителями от дворянства)⁵⁶, и его продворянский проект земской реформы готовился к обсуждению в Государственном Совете, где министр имел все основания ожидать упорного сопротивления. Момент был щекотливый, и Валуев, к которому в течении 1862 года перешли все функции цензуры, менее всего был склонен терпеть отпор своей политике со стороны прессы: «Это чистейший произвол, и уже не прежний, мелкочиновический [...], а произвол, вооруженный сильною властью министерскою», жаловался цензор А. В. Никитенко, и добавлял, что валуевская цензура «несравненно сильнее николаевской»⁵⁷.

Скандал, поднятый катковскими «Московскими ведомостями» против *Рокового*

⁵³ «Время», 1862, № 12, с. 52. И в последние годы жизни Григорьев утверждает многократно свою симпатию к Щапову, уже в совокупности с К. Н. Бестужевым-Рюминым и другими историками «почвеннического» склада, выступающими около середины 60-х годов. См. Его же, Плачевные размышления о деспотизме и о вольном рабстве мысли \ «Якорь», 1863, № 3. Теперь в: Его же, Одиссея последнего романтика, М. 1988, с. 363-364; Его же, Длинные но печальные размышления о нашей драматургии \ «Эпоха», 1864, № 3. Теперь в: Его же, Эстетика и критика, цит., с. 411.

⁵⁴ Е. А. Разин, Наши домашние дела \ «Время», 1864, № 4, сс. 166-167.

⁵⁵ Именно содержание этой статьи менее всего может объяснять поспешность и решительность Валуева в закрытии журнала: сам министр разделял основной тезис Страхова о необходимости бороться с поляками не столько силою оружия, сколько идеями и политическими улучшениями в самой России. См. записку от 6.12.1863, в: П. А. Валуев, Дневник, цит, т. I, с. 259; там же, с. 311. См. также письмо Валуева к М. Н. Каткову от 5.12.1863: «Можно связать Варшаву и Вильно с Тамбовым, но сделать из них Тамбова нельзя!» («Русская старина», 1915, № 8, с. 422).

⁵⁶ Проект опубликован в: «Вестник права», 1905, № 11.

⁵⁷ А. В. Никитенко, Дневник в трех томах, т. II, Л. 1956, с. 505.

вопроса, служил поводом, чтобы одновременно избавиться от журнала, имеющего «вообще вредное направление»⁵⁸, и от чиновников цензурных ведомств, унаследованных Валуевым от Министерства Народного Просвещения и не сочувствующих его политике ожесточенного контроля над прессой⁵⁹.

Здесь и обрывается «щাপовская» тема у почвенников. При уходе Разина со сцены и при идеологической гегемонии Страхова в новом журнале «Эпоха» движение переходит на консервативно-националистские позиции, тем более, что взрыв польской революции в 1863 году как нельзя лучше доказал опасность игры с политической децентрализацией. Полемической мишенью Достоевского с 1864 года будет уже не Катков, а «нигилятина» щедринского «Современника». В этом контексте Щапов оказывается идеологически негодным⁶⁰: его заменят славянофильская историософия и, во второй половине десятилетия, имперская геополитика и биологический панславизм В. И. Ламанского, Н. Я. Данилевского, Ю. Ф. Самарина. Апология инстинктивной бессословности, солидарности русского народа и подозрительное, если не враждебное, отношение к дворянству остаются идеологическим стержнем позднего Достоевского, но его политической перспективой будет уже не демократическая федерация свободных общин, а агрессивная апология русской государственности, как ядра будущей всеславянской империи⁶¹.

⁵⁸П. А. Валуев, *Дневник*, цит. т. I, с. 226. О закрытии журнала см. В. С. Нечаева, *Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время»*, цит., гл. XIV.

⁵⁹ Речь идет в первую очередь о председателе петербургского Цензурного комитета В. А. Цеэ, близком сотруднике министра народного просвещения А. В. Головнина и вдохновителе в начале 1862 «мягкой» линии по отношению к печати и стратегии постоянного согласования правительства с литераторами. О нем, см. А. В. Мезьер, *Словарь русских цензоров*, М. 2000, с. 121. Закрытие «Времени» и увольнение Цеэ вызвали одобрение консервативно настроенных писателей: см. Письма В. П. Боткина к И. С. Тургеневу от июня и июля 1863, в: В. П. Боткин и И. С. Тургенев. *Неизданная переписка 1851-1869 гг.*, М. - Л. 1930, с. 177-181.

⁶⁰ Поздний Достоевский настроен критически к Щапову, «человеку без твердого направления деятельности» (ДС, XXIV, с. 201). Такая неприязнь имела и личные основы: в анонимном некрологе о Щапове («Дело», 1876, № 4) приводились оскорбительные высказывания умершего по поводу М. М. Достоевского, что и вызвало резкую реакцию Федора Михайловича. См. ДС, XXII, сс. 132-135.

⁶¹ См. Г. Карпи, Ф. М. Достоевский и судьбы русского дворянства (по роману «Идиот» и другим материалам) \ \ Роман Ф. М. Достоевского «Идиот»: современное состояние изучения, М. 2001.